

R 241
623

48

~~Р 241~~

А. ЛЕЖНЕВ

р 144
3333

~~623~~
~~Р~~
**ЛИТЕРАТУРНЫЕ
БУДНИ**

~~40-5305~~
~~МОСКВА~~
~~1929~~

28-65105

ИЗДАТЕЛЬСТВО
"ФЕДЕРАЦИЯ"
МОСКВА
1 9 2 9

силование женщин чуть ли не в принцип и в ответ на возмущенные слова Даши заявляет:

— Я не вижу в этом никакого позора... мы — хорошая и сильная пара, и нам не к лицу притворяться и болтать фальшивые фразы... Брось! Ты же знаешь, что я никогда не уступаю в борьбе... И то, что я хочу сделать, я сделаю... а в борьбе я пользуюсь всеми средствами... — то за его широкой спиной мы видим другое, давно знакомое лицо: Санина.

Оговариваюсь: здесь, на мой взгляд, — не идеологический грех, а художественная ошибка. Автор вовсе не собирался дать апологию санинства. Все дело здесь в его романтической склонности к контрастам и преувеличениям. Жажду жизни и веления тела, несколько, конечно, не несовместимые с величайшей преданностью делу революции, он довел до огромнейшего преувеличения, до чудовищной гипертрофии, и одному и тому же лицу сообщил несоединимые друг с другом черты, Контраст получился эффектный, но художественная правда еще раз пострадала.

В соответствии с романтической окрашенностью писательского темперамента Гладкова находится и язык романа. Он напряжен, сдавлен, местами вычурен. Его нельзя назвать легким: читателя то-и-дело подбрасывает на ухабах. Диалог его героев то вдается в певучесть украинской песни (причитанья Моти, например), то, топорно и неестественно-обрубленный, режет ухо резкими сочетаниями странных провинциализмов, часто непонятных («горлодер грохает хабардой»). Его бытовая речь кажется иногда выдуманной, хотя она, быть может, записана на месте. У него не чувствуется та богатая и многообразная ее стихия, которая ощущается,

например, у Артема Веселого, хотя Артем и обращается с ней, вероятно, гораздо вольнее, чем Гладков. Но есть несомненное своеобразие в этой угловатой, странной и резко-окрашенной прозе, которую сразу отличишь, не зная, настолько она характерна—своими недостатками не меньше, чем достоинствами, — настолько силен на ней отпечаток авторской индивидуальности.

II. «СТРАНА РОДНАЯ» АРТЕМА ВЕСЕЛОГО и «КОМИССАРЫ» ЛИБЕДИНСКОГО

«Страна родная» — первая большая вещь Артема Веселого. Это — произведение, несомненно, интересное и значительное, в котором крупно все: и достоинства и недостатки.

К последним относится прежде всего неумение автора строить вещь. Конструкция, композиция — вот что всего слабее у Артема. Роман его безформен. Он составлен из кусочков, прилаженных друг к другу без всякого видимого порядка, чередующихся почти также прихотливо, как у Пильняка. Отрывки и даже главы можно менять местами, не причиняя ущерба роману. Сюжета собственно нет. Связь дается хронологической последовательностью. Стремительно мелькающие сцены, при отсутствии единого разворачивающегося сюжета, утомляют читателя. Получается впечатление, как-будто автор, прекрасный рассказчик, торопится поскорее и побольше рассказать то, что он видел, слышал, знает, чем он полон до краев, — и рассказывает, перескакивая с предмета на предмет, увлекаясь, теряя нить. Но он рассказывает так темпераментно, остроумно, ярко, что часто не замечаешь этого перескакивания — или не хочешь его заметить.

В романе Артема Веселого, лишенном твердого сюжетного стержня, переливается стихия мужичьей революции. Может быть, потому и показался ненужным автору сюжет, что надо было ему изобразить не отдельных людей, а стихию, массу. И, действительно, «массовые» крестьянские, красноармейские сцены принадлежат к лучшим в романе. Характеристики хороши у него тогда, когда они элементарны, когда типы взяты «массовидные» (среднее арифметическое, норма), когда автор не пытается заглянуть глубоко внутрь, дать человека «изнутри». Человек удается Артему не тогда, когда думает, а когда действует. Думающий человек, вообще, Артему не удается. Он у него каррикатурен или нелеп. Удачен у Артема не просто действующий человек, но действующий с максимальной напряженностью. Что бы его герой ни делал: пьянствовал, грабил, ездил инструктировать по волости, писал доклад, ставил спектакль — он будет хорош тогда, если напьется — до невменяемости, наинструктируется до того, что его жене некуда будет девать навезенные продукты, а доклад напишет на «пятьдесят листов с гаком».

Если от «Страны родной» перейти к «Комиссарам», то этот переход может совершиться лишь в силу контраста.

Яркому, звучному, темпераментному Артему Веселому, влюбленному в слово, в русскую речь, в русские просторы, в русскую песню («когда-нибудь, у придорожного костра, слушая цветную русскую песню, легко встречу свой последний, смертный час»), поэту вольницы, людей, не любящих мысль и дисциплину, противостоит одноцветный, лишенный красок Либединский, чуждый стихии слова, — обращенный во внутрь, много-

думающий аналитик, в писательском облике которого так много типично-интеллигентского. Артем Веселый, несомненно, талантливее и богаче. Но у Либединского нет и его больших недостатков. «Комиссары» построены много лучше «Страны родной». Ясность конструкции делает более легкими для чтения, чем гораздо более яркую и художественно ценную «Страну родную». Артем Веселый берет для своего романа чуть ли не всю Россию, но Россию захолустную, стихийно революционную. Поле наблюдений Либединского значительно уже, но оно гораздо реже попадало в об'ектив художника. Это — партия, быт и типы партийцев.

Либединский — стилист сероватый, тусклый. Это мешает многим видеть те достоинства, которые у него имеются. Персонажи «Комиссаров» — а их довольно много — обрисованы все очень четко, автор выделил своеобразие каждого и постарался обрисовать при этом не только «характер», но и склад мышления, (а это делают — а главное, умеют делать — очень немногие писатели).

Некоторые сцены задуманы очень остроумно, например, попойка в здании курсов и последовательное появление: Реховского, который замечает ее и проходит мимо, как-будто ничего не видя, потому что боится испортить отношения, если сделает замечание; Миндлова, который заходит в комнату, где происходит попойка, и действительно ничего не видит по своей рассеянности и «святости»; Арефьева, который расправляется с пьянствующей компанией со всей решительностью и крутостью. Простая, но «ребром поставленная» ситуация дает автору возможность раскрыть ха-

рактеры своих героев лучше, чем это сделали бы длинные страницы описаний и разговоров. Но иногда у Либединского бывают в характеристиках и грубые промахи. Таким промахом надо признать описание того, как происходит процесс мышления у Васильева. Васильев — пролетарий. «Его острый, жадный к новому ум рабочего столичного города не раз уже пускался в самостоятельный путь. Но сразу же он наткнулся на плотные, осязаемые свойства предметов, это повергало его тревожную натуру в состояние бессильной злости... И он радовался лекции, как музыкант радуется впервые слышимой, но родственной его существу пьесой, в которой наперед чувствует повороты ритма».

Привычка рассматривать вещи, как обладающие неподвижными, неизменными свойствами¹ присуща метафизическому мышлению (самому распространенному типу мышления). Она противоречит мышлению диалектическому, рассматривающему вещи в движении, в развитии. Иначе говоря, Либединский хочет сказать, что Васильев, как пролетарий, был диалектиком еще до того, как он ознакомился с наукой, диалектиком по инстинкту, притом диалектиком до такой степени, что существование «плотных» свойств предметов являлось помехой его мышлению. Но это

¹ Определение «плотные» следует у Либединского понимать именно, как неподвижные, инертные, статические—об этом говорит весь строй подчеркнутой фразы, противопоставление «плотных» свойств предметов «тревожной»,—т.-е. «динамической» натуре Васильева; в противном случае замечание Либединского было бы лишено всякого смысла.

совершенный вздор. Положение пролетария в производстве может облегчить ему понимание того, что природа не неподвижна, а диалектически развивается, но ни в коем случае не в состоянии вложить ему в голову (само по себе, без ознакомления с наукой) готовую теорию диалектического материализма. Лучшим доказательством является то, что и сейчас еще миллионы рабочих религиозны, а религия никак не совместима с диалектическим материализмом.

Есть у Либединского недостатки и в обрисовке других действующих лиц. Так несомненна некоторая приторность в фигуре Миндлова (вариации героя Лелевической баллады о завклубе). Но в большинстве случаев они очерчены правдиво, с глубокой и теплой искренностью.

III. О «ЗАВИСТИ» Ю. ОЛЕШИ

До появления «Зависти» имя Олеси мало говорило читателю. Новая же повесть его несомненно привлечет к нему внимание. И это — вполне заслуженно. «Зависть» — произведение интересное и хорошо написанное.

Дело здесь не только в стилистических достоинствах (они неоспоримы), не только в умении автора по своему определять каждую вещь, в тонком ощущении оттенков, в богатстве изобразительных средств и проч., но и в значительности поставленных вопросов. В «Зависти» взята большая тема, одна из центральных тем нашего времени. В замысле повести можно различить как бы два напластования. Верхнее, прежде всего бросающееся в глаза, заключается в противопоставлении «ветхого Адама», старого человека — sentimentalного, мелкого